

Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 21. 2021. Т. 12, № 4. С. 104–125.

Transactions of the Kola Science Centre. Humanitarian studies. Series 21. 2021. Vol. 12, no. 4. P. 106–125.

Научная статья

УДК 902.3"953"(470.21)

DOI: 10.37614/2307-5252.2021.4.21.008

ВАЛУННЫЕ ЯМЫ БЕЛОМОРЬЯ

Марк Михайлович Шахнович

*Центр гуманитарных проблем Баренц региона ФИЦ КНЦ РАН, Апатиты, Россия
marksuk62@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0771-675X>*

Аннотация

Цель статьи — введение в научный оборот малоизвестных и дискуссионных объектов из камней, обнаруженных при наших полевых изысканиях в 2019 г. на Терском берегу Белого моря около реки Хлебная. Памятник состоит из 27 валунных сложенных четырех типов: кольцевидных выкладок с углублением в центре — валунных ям (24), «сейда», «кучи», плоского валуна с уложенными на него камнями. Валунные ямы в границах РФ встречаются прибрежной зоне Западного и Северного Беломорья и Баренцева моря. Распространение таких объектов отмечается в Финмаркене и Финской Лапландии и соотносится с ареалом исторического расселения локальных групп саамов. Мы склоняемся к интерпретации «валунных ям» как объектов, связанных с нехристианской культовой практикой, возможно, погребального характера.

Ключевые слова:

Терский берег Белого моря, валунные ямы, погребальный обряд, Средневековье

Финансирование

Работа выполнена в рамках выполнения госзадания по теме НИР № 0226-2019-0066.

Благодарности

Выражаю признательность за консультации коллегам О. В. Кардашу, П. Уйно, Э. Суоминену, Т. Аикас, В. Аделью, К. Нордквисту, Т. Карьялайнену, В. Н. Карманову, А. В. Волокитину, А. Я. Мартынову, С. В. Гусеву, А. М. Мурыгину, Я. А. Яковлеву, Ю. Н. Рыбакову.

Для цитирования: Шахнович М. М. Валунные ямы Беломорья // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 21. 2021. Т. 12, № 4. С. 104–125. <http://dx.doi.org/10.37614/2307-5252.2021.4.21.008>.

Original article

BOULDER PITS OF THE WHITE SEA REGION

Mark M. Shakhnovitch

*Barents Centre of the Humanities of the Kola Science Centre of RAS, Apatity, Russia
marksuk62@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0771-675X>*

Abstract

The purpose of the article is to introduce into scientific circulation little-known and controversial objects made of stones discovered during our field surveys in 2019 on the Tersk Coast of the White Sea near the Khlebnaya River. The monument consists of 27 boulder structures of four types: ring-shaped layouts with a recess in the center — boulder pits (24), "seid", "pile", a flat boulder with stones laid on it. Boulder pits within the borders of the Russian Federation are found in the coastal zone of the Western and Northern White Sea regions and the Barents Sea. The distribution of such objects is noted in Finnmark and Finnish Lapland and correlates with the area of historical settlement of local Sami groups. We tend to interpret the "boulder pits" as objects associated with non-Christian cult practices, possibly of a funerary nature.

Keywords:

Tersk Coast of the White Sea, boulder pits, funeral rite, Middle ages

Funding

The article was supported by the federal budget to carry out the state task of the FRC KSC RAS No. 0226-2019-0066.

Acknowledgments

The autor expresses his sincere gratitude to O. V. Kardash, P. Uino, E. Suominen, T. Aikas, V. Adel, K. Nordqvist, T. Karjalainen, V. N. Karmanov, A. V. Volokitin, A. Ya. Martynov, S. V. Gusev, A. M. Murygin, Ya. A. Yakovlev, Yu. N. Rybakov for consultations.

For citation: Shakhnovitch M. M. Boulder pits of the White Sea Region // Transactions of the Kola Science Centre. Humanitarian studies. Series 21. 2021. Vol. 12, no. 4. P. 104–125. <http://dx.doi.org/10.37614/2307-5252.2021.4.21.008>.

Введение

Огромная территория Мурманской области к настоящему времени археологами изучена незначительно. С 1940-х гг. разведками преимущественно обследовались локальные участки в приустьевых зонах рек и заливов по побережью Баренцева и Белого морей, где отмечается высокая концентрация разновременных объектов археологии. В континентальных районах работы проводились эпизодично и рекогносцировочно. Раскопками исследовано небольшое число памятников, в основном относящихся к различным археологическим эпохам дописьменного периода. Полные научные публикации материалов раскопок единичны.

Целенаправленный и углубленный поиск памятников периода Средневековья в Русской Лапландии в полной мере не осуществлялся и проводился эпизодично, преимущественно на западном и северном побережьях Белого моря и только около устьев рек [1, 2]. Поэтому любая новая информация, полученная при профессиональных работах, способствует заполнению «белых пятен» истории Кольского Севера последнего тысячелетия.

Цель данной публикации — введение в научный оборот результатов полевых работ автора на Терском берегу Белого моря в 2019 г. Объектом изучения стали выразительные, но малоизвестные и потому во многом дискуссионные объекты из камней — валунные ямы. Статья продолжает наши изыскания по аналитике валунных сложений Восточной Фенноскандии [3–7].

История изучения

Своеобразные, хорошо заметные валунные ямы попадали в поле зрения, наверно, всех исследователей, последние сто пятьдесят лет изучавших древности Беломорья и Русской Лапландии. А. И. Кельсиев в 1877 г., путешествуя по центральным районам Кольского полуострова, упоминает «чудские ямы»¹. В 1907 г. К. П. Рева на острове Бережной Кельяк (Кемские острова) обследовал «погребальное сооружение хорошей кладки и лопарские ямы» [9]. И. М. Мулло при работах в 1968–1970 гг. на островах Русский Кузов, Средний и Жилой (архипелаг Кузова) описывает овальные ямы на «валунных полях», которые считал «следами от древних летних жилищ» [10: 76]. В 1970–1990-х гг. А. А. Куратов и А. Я. Мартынов фиксировали на Соловецком архипелаге вместе с разнообразными «выкладками и насыпями» из валунов «круглые впадины, окруженные каменными валами» [11: 31, 12: 198]. В начале XXI в. экспедиция ИЯЛИ КНЦ РАН на западном побережье и островах Белого моря (архипелаг Кузова, острова Большой Жужмуй, Пурналок, Соностров) нашла более 100 различного вида и, вероятно, разного назначения ям [13]. Опубликованная информация о данном виде каменных сложений не выходила за рамки фиксации их основных метрических характеристик и лаконичных версий о возможном назначении.

Общее описание

В полевой сезон 2019 г. на Терском берегу Белого моря, около реки Хлебной, зафиксирована интересная группа из 27 валунных сложений. Традиционно она получила название по ближайшему гидротопониму — Хлебная I. На памятнике, представляющем единый комплекс, отмечены 4 типа сооружений из камней: кольцевидные выкладки с углублением в центре (24), «сейд», «куча», плоский валун с уложенными на него камнями.

Валунные выкладки на реке Хлебной хорошо заметны в береговом рельефе и, несомненно, были известны местным старожилам.² Причина, почему они ранее не привлекли внимание специалистов³, — это слабая археологическая изученность региона вообще и данного участка побережья в частности и, конечно, «следствие установочной зауженности целевых рамок работавших экспедиций»⁴. Расстояние от южного края памятника (сложение 1) до моря (отлив) — 1,1 км к югу, до пляжа — 0,54 км к югу, до реки — 0,2 км к востоку.

Около реки Хлебной обширный прибрежный склон валунника образовался в процессе формирования Белого моря в период финального ледниковья и начального этапа послеледниковья [16]. Поверхность каменистого участка берега поросла крупным сосняком. Почва хорошо дренируется. Дерновый покров и песчаный грунт отсутствуют и плотный слой окатанных камней находится непосредственно под мхом. Соответственно, нет культурных напластований в традиционном понимании, что сужает возможности применения археологических методик.

Сооружения начинают встречаться в 60 м к северу от края четвертой морской террасы, а ниже, на третьей песчаной террасе, судя по наличию отщепов кварца на обнажениях грунта, находится стоянка эпохи мезолита. Площадь выходов валунника на данном участке правого берега реки Хлебная значительна, около 15 га (0,5 x 0,3 км), но сложения «жмутся» друг к другу, локализуясь в 3 группах, только в южной части каменистого склона. Нельзя утверждать, что кладки как-то «увязаны» с ближайшим источником пресной воды (река). Определенная логика и система в их размещении на местности, наверно, существует, но определить ее, не понимая назначения сложений, затруднительно (рис. 1).

Рис. 1. Хлебный I. Валунная яма 18

Несмотря на близость к недавним вырубкам, комплекс выгодно отличается от многих памятников археологии Терского берега хорошей сохранностью. Сооружения воспринимаются как не потревоженные. Следы очевидных разрушений (естественное осыпание, вандализм), подновлений или перестройки отсутствуют, система конструкции (форма, размеры, характер кладки) легко «читается», расчистка камней от грунта не требуется. Следы на камнях от термического воздействия, обработки (подтеска, раскалывание) не отмечены.

Опираясь на накопленный за двадцать лет опыт раскопок валунных сложений, работа с каждым объектом в 2019 г. велась по разработанному «протоколу», задача которого — максимально подробное описание комплекса в целом и каждого сооружения по отдельности. Снят и подготовлен топографический план памятника с использованием тахеометра.

Комплекс можно разделить на 2 условных группы: западную и восточную, которые, на наш взгляд, не только разнесены на местности, но имеют и определенные качественные различия.

В восточную группу (1) отнесены сложения № 1–10, 26. Сооружения вытянулись узкой полосой длиной около 200 м с запада на восток в нижней части скального склона на контакте с песчаной террасой, что типично для такого рода памятников. Площадь участка около 10 тыс. м². Кроме валунных ям (далее — в-я), в нее входят и другие оригинальные объекты из валунов: «сейд», «куча» и плоский валун с уложенными на него камнями. Опишем данные сооружения.

«Сейд» — это крупный валун (2,5 x 2 x 1,3 м), с южной стороны стоящий на камне-«ножке», который тоже имеет значительные размеры (0,55 x 0,35 м) (рис. 2).

«Куча» располагается в западной части участка 1, в 22 м к востоку от в-я № 2, с востока к ней примыкает в-я № 4. В плане округлой формы (3,7 x 3,2 м), верх — плоский, высота — 0,5 м, сложена из крупных камней в 2–3 ряда, в центре находятся более мелкие камни (до 0,25 м) (рис. 3).

Рис. 2. Хлебный I. «Сейд». Вид с востока.

Рис. 3. Хлебный I. «Каменный курган». Вид с запада

Плоский валун с уложенными на него камнями находится в 20 м к югу от в-я № 6. Его размеры — 2,7 x 2,1 x 0,4 м. На нем лежат 6 крупных камней (0,3 x 0,25 x 0,2 м), и 4 скатившихся камня располагаются с северной стороны. Полностью задернован (рис. 4).

Валунные ямы (10 шт.) неглубокие, с оформленными невысокими валиками из камней, внешний диаметр — 3–5 м. В одном случае (в-я № 5, 6) примыкают к одному плоскому камню.

Западная группа (2) находится в 83 м к западу от западного края группы 1 (в-я № 1). В нее предварительно включены в-я № 11–25. В-я № 11–16 и 20, 21 располагаются цепочкой с юга на север.

В-я № 17–19 и 22–24 располагаются в нижней части склона западнее в-я № 12 полосой протяженностью в 350 м, на удалении друг от друга в 50–70 м. Наверно, их следует рассматривать как группу 3.

Валунные ямы в целом единообразны и отличаются только общими размерами и тщательностью выкладки внешнего валика. Одно сложение (в-я № 22) примыкает к крупному валуну (рис. 5).

Рис. 4. Хлебный I. Плоский валун с уложенными на него камнями. Вид с севера

Рис. 5. Хлебный I. Валунная яма 22

Находки отсутствовали. Проведившееся выборочное обследование с помощью металлодетектора сложений на реке Хлебной и Сонострове не было результативным. В основном из-за того, что некоторые камни в своей структуре имели природные металлические включения, создающие «фон помех».

Предварительная реконструкция

Исследованные валунные ямы следует рассматривать как единый памятник, скорее всего, многократного использования. Они приурочены к одному участку рельефа и в дошедшем до нас состоянии имеют общие конструктивные особенности: одну технологию изготовления, простое единообразное устройство, сходную конфигурацию и линейные характеристики. Схематизм, произвольность, вариативность деталей при их создании минимальны. Морфология сложений может определяться технологическим процессом, особенностями эксплуатации или определенной смысловой моделью.

На этапе первичной классификации, в согласии с разработками коллег [17, 18], валунные ямы можно разделить на отдельно располагающиеся сложения и конструкции, примыкающие к большому валуну или к вертикальной стенке скального выхода (3 шт.). Возможна их группировка и по размерам. Рядом с масштабными сооружениями (внешний диаметр до 5,5 м) соседствуют «мелкие» ямы, практически поверхностные, с углублением в почву на один камень, с относительно небольшим внутренним объемом, но с обязательным невысоким круговым валиком. Несмотря на разноплановость объектов, следует говорить о существовании общей объединяющей идеи и, вероятно, об их относительной одновременности.

Валунные ямы имеют четкие, правильные очертания и состоят из двух обязательных конструктивных элементов: небольшого внутреннего заглубления в слой камней и выкладки-валика различной величины по окружности. Видимые следы раскрытия или разброски, которые остались бы при функционировании ям как «закрытых» объектов, не фиксируются.

Валы — замкнутые. Разрывы-«проходы» в них отсутствуют, нет и ровиков по внешнему периметру, и специально оформленных, примыкающих площадок. Они одноактно, старательно выкладывались из камней, вынутых при углублении в грунт или собранных рядом с сооружением. Большинство камней могли перемещаться физическими усилиями одного человека. Валик увеличивал общий объем и глубину ямы. Четко определить его назначение (стена, ограда или опора для некой деревянной конструкции) затруднительно.

Сооружения не делались на скальных поверхностях, то есть углубление в почву было важным элементом конструкции. Из-за крупных камней дно неровное и в большинстве случаев внутреннее заглубление в каменистый слой незначительно — в 1–2 камня. Форма дна зависит от размеров внутренней части ямы и, соответственно, по вертикальному профилю может быть чашевидной, усеченно-конусовидной или плоской. Все ямы в плане округлой формы, что не позволяет делать выводы об их ориентировке относительно сторон света или значимых ориентиров в рельефе (рис. 6).

Изначальный внешний облик сооружений реконструируется в большей мере на основании субъективных представлений о возможной их функции. Предположительно конструкция из камней могла дополняться какой-то деревянной постройкой, например, столбовым сооружением типа чума с берестяным покрытием-«крышей» или внешним срубом-рамой. Возможно, внутренняя полость выстилалась берестой или кожей.

Рис. 6. Хлебный I. Валунная яма 26.

Ареал

Поиск аналогий мы ограничим территорией арктической приморской зоны Северной и Северо-Восточной Европы.

Группа валунных ям на реке Хлебной не единственная в Беломорье [12: 88–90, 13, 19: 230–232]. Ближайший известный подобный памятник (12 ям) найдена в 2014 г. в 61 км к юго-западу от реки Хлебной на высокой каменистой террасе бухты Корабельной на южном берегу Чупинского залива (Лоухский район Республики Карелия). Но углубленное изучение этих сооружений не предпринималось (рис. 7). Есть единичные сообщения о подобных ямах и на северном побережье Кольского полуострова [20: 35].

Валунные ямы встречаются также в Финнмаркене, где соотносятся с ареалом исторического расселения локальных групп саамов. Характерно, что они располагаются как около берега моря, так и на существенном удалении от него (50–70 км) [21: 39–44].

Поиск аналогий среди этнографического и археологического материала к востоку от Кольского полуострова (арктическое морское побережье до реки Обь) не дал положительных результатов. Простые, выкопанные в грунте «мясные ямы» как способ хранения аборигенами добытого мяса и рыбы существовали, но они создавались в вечной мерзлоте, что качественно меняет их морфологические характеристики.

Рис. 7. Валунная яма. Чупинский залив Белого моря. Лоухский район (Республика Карелия)

Пока не ясно, отмеченная территориальная локализация — это отражение соотношения валунных ям с определенным этносом или следствие природного отсутствия подобных каменистых выходов к востоку от Белого моря. В настоящее время бытование практики создания таких сооружений в пределах РФ ограничивается прибрежной зоной Западного и Северного Беломорья и Баренцева моря

В процессе работы возникают три традиционных вопроса: кто, когда и зачем создавал валунные объекты на реке Хлебной?

Этнокультурная принадлежность

Прежде всего, остановимся на дискуссионной проблеме этнического состава обитателей (постоянных и сезонно мигрирующих в регион) Восточной Лапландии и Беломорья в Средневековье. По мнению автора, этнокультурная ситуация на обозначенной огромной территории уже не может восприниматься в рамках устоявшейся историографической парадигмы «саамы-лопь и новгородцы». Скудные исторические сведения и археологические данные позволяют предварительно говорить об этнической «мозаичности» заселения этих районов локальными общинами «лопарского племени» и «пришлыми» торгово-промысловыми корельскими, двинскими, северонорвежскими и финскими группами. Полнота и характер их контактов пока точно не определены. Предположительно, они не ограничивались военной и грабительской конфронтацией, преимущественно отразившейся в текстах, дошедших до нас, дипломатических актов и летописных сводов.

Существует устойчивое мнение, что каждый этнос Лапландии занимал свою специфичную природную и экономическую лауну. Действительно, мы наблюдаем характерные отличия в топографии размещения поселений, создании жилых, промысловых и хозяйственных сооружений, наборе сопутствующего инвентаря. Чем древнее рассматриваемый объект, тем более выразителен и оригинален комплекс его особенностей. В то же время длительное совместное проживание в регионе с суровыми арктическими условиями создает ситуацию многосторонней «полезной» инфильтрации в разных жизненных сферах: не только хозяйствования и быта, но и в духовной культуре, даже в таких консервативных областях, как погребальный обряд и сакральные практики. Прямолинейное «увязывание» тех или иных объектов и предметов с определенными этносами и последующее использование их в аналитической работе в качестве культуродиагностирующих маркеров должно основываться на основательной базе доказательств. В этом вопросе значимость археологических исследований трудно переоценить.

По аналогии с подобными объектами в Финмаркене хотелось бы отнести валунные ямы Беломорья к общесаамскому кругу древностей, что, как упоминалось выше, не противоречит концепции, сформировавшейся у североскандинавских коллег и их современному восприятию местным населением северного берега Белого моря. Но «поставить точку» объективно мешают 3 обстоятельства.

1. Средневековые «саамские древности» Русской Лапландии в настоящее время исследованы минимально. Интерес к «развалинам лапландцев» среди российских археологов стал формироваться только в последнее время и остается на уровне сбора первичной информации об объектах, «попутно» найденных при основных научных изысканиях (в Мурманской области они преимущественно связаны с изучением периода каменного – раннежелезного веков). Пока так называемые «саамские памятники» Русской Лапландии — это обширная абстракция, не подкрепленная нужным объемом конкретного археологического материала.

2. Археологи отмечают отсутствие культурного единства в раннесаамской общности уже в период ее начального сложения [22: 47, 23: 210].

3. «Память народная» часто бывает удивительно короткой и фантазийной. При смене населения, без преемственности традиционного уклада мышления, сбор объективной информации об исторических памятниках или невозможен, или качественно затруднен. В настоящее время наблюдается полное забвение даже хорошо заметных исторических объектов или вольная их интерпретация.

Например, по информации жителей поселка Кереть (Лоухский район Республики Карелия), валунные ямы в районе Чупинского залива Белого моря, «по рассказам стариков», использовались еще в первой половине XX в. в качестве хранилищ для заготовленного на зиму ягеля, идущего на корм коровам и домашним оленям. Объемы требовались значительные: для оленей собирали 120–250 пудов ягеля на одну голову [24: 32]. Ягель растет медленно (3–5 мм в год), и восстановление пастбища после сезонного выпаса оленей происходит только через 25 лет. Таким образом, крупные, трудозатратные по созданию валунные сооружения при данном назначении являются практически «одноразовыми», с возможностью использования не более двух раз одним поколением. Кроме того, на Хлебной они располагаются группами, а не разбросаны по всей площади ягельников, что, вероятно, было бы удобнее при сборе корма на большой площади. В нашем комплексе присутствуют и небольшие, неглубокие, соответственно малопригодные для хранения ягеля ямы. Если такая практика хранения ягеля действительно существовала, то, скорее всего, в этом случае наблюдается пример вторичного использования этих древних сооружений в более позднее время.

Таким образом, на современном этапе изучения валунных ям Беломорья отсутствует объективный набор данных для конкретного заключения об этнической принадлежности создавших их коллективов.

Датирование

Отсутствие находок и культуросодержащих почвенных отложений создает ситуацию датирования валунных ям в широком временном диапазоне — от неолита до XX в. Тем более, что следы поселения каменного века (сборы кварцевых отщепов и скребков в обнажениях дороги) хорошо заметны на песчаной террасе, примыкающей к каменистому участку с ямами с юга.

На островах Кузовского архипелага (Жилой и Средний) И. М. Мулло отмечает, что валунные ямы расположены на нижней морской террасе, на высоте 2–4 м над уровнем моря [10: 76]. Это позволяет относительно датировать их периодом Средневековья.

Назначение

Важная и сложная исследовательская проблема — это определение назначения валунных ям. Простота их конструкций создает иллюзию легкости и однозначности культурной и функциональной трактовки данного вида археологических памятников, отсутствие основы для дискуссии. Их интерпретация, однако, на современном этапе изучения противоречива и спорна. Остановимся на существующих версиях о предполагаемом характере использования «каменных ям» — производственное, бытовое, сакральное, погребальное назначение, не исключая возможности совмещения функций (например, утилитарной нагрузки с культовой). Исходный тезис для этой работы: преднамеренно сделанное углубление в земле с наращенными стенками, увеличивающими его объем, подразумевает в качестве основной конструкционной идеи объекта создание емкости, куда помещался определенный «продукт».

Места хранения. Среди зарубежных коллег доминирует традиционное, сформированное этнографами мнение, что все валунные ямы многократно использовались для долговременного хранения запасов охотников на оленей (мяса и других продуктов) в течение года.

Например, в материковых районах горной тундры Финской Лапландии, удаленных от морского побережья и не располагающихся около нерестовых рек, встречаются так называемые «тайники для пищи» («the food cache» или «purnu»). Они устраивались на беслесных «валунных полях» на высоте 300–400 м над уровнем моря. Эти искусственные ямы со стенками и круговым валиком из валунов не единообразны, различной величины и конструкции. Большинство их не большие: внутренняя часть максимально 0,5 x 0,4 м, средние размеры вместе со стенками — 1,25 x 0,9 x 0,6 м. Конструктивно — это неглубокая выложенная камнями ниша, пристроенная к валуну, или же яма небольшой глубины с вертикальными стенками. Есть и крупные сооружения, подобные объектам на реке Хлебной. Они датируются максимально широким периодом — от мезолита до XIX в. Привлекаемые для их интерпретации этнографические описания имеют самый общий характер, поэтому не исключается возможность и их сакрального назначения [17, 18, 26: 234].

Сходной версии придерживался М. Г. Косменко, рассматривая валунные ямы на западном побережье Белого моря как часть системы промысловой эксплуатации морских угодий. Все найденные им ямы были зачислены в группу «временных хранилищ промысловой добычи и различных припасов» как разновидность поморских ледников для «сбережения уловной рыбы и звериного сала», «сопутствующих крупномасштабному промыслу, ориентированному на хранение продукции с последующим сбытом накопленных партий», с датировкой — не ранее позднего Средневековья [27]. В данную интерпретацию не укладывался факт частой удаленности групп ям от морского берега, а также их «чрезмерная концентрация на ограниченном пространстве» [28: 422] (рис. 8).

Появление «поморско-хозяйственной» гипотезы, по нашему мнению, объясняется незначительным количеством исходной информации для обобщений, что закономерно на первом этапе исследовательской работы, и сложившейся у ряда российских специалистов практики некритичного калькирования интерпретационных шаблонов зарубежной «саамской» историографии на «отечественный материал». Но пока это единственная превалирующая гипотеза, поэтому остановимся подробнее на анализе возможности использования валунных ям в качестве мест хранения.

была актуальна, но не подразумевала создание больших запасов рыбы, ограничиваясь объемами для кормления на один зимний сезон.

Рис. 8. Хлебный I. Валунная яма 11

Сезонные рыбные промыслы имели доминирующее значение в жизнеобеспечении аборигенов северной тайги.⁵ Необходимость в накоплении и хранении значительных объемов продовольствия для личного потребления

Способы заготовки продуктов без соли на долгий срок у саамов и поморов, как и других северных народов [30: 206], были традиционны, просты и единообразны. Мясо животных, тушки птиц и рыбу, добытые в теплое время, преимущественно коптили, вялили, высушивали на огне, перетирали сушеными в муку, а поздней осенью и зимой замораживали⁶. Заквашивание и вываривание для приготовления «деликатесов» производилось в небольших объемах. Соль как консервант при заготовках для нетоварного потребления из-за ее дороговизны стала применяться относительно поздно и только в незимний период⁷. Засолка рыбы требует выдерживания ее в рассоле, что невозможно в валунных ямах.

Фенноскандия находится вне зоны вечной мерзлоты и, соответственно, создание широко распространенных восточнее так называемых «морозильных ям», где мясо для длительного хранения достаточно было закопать на глубине непротаивающего грунта, здесь непродуктивно [34: 109]. При минусовой температуре замороженную или вяленую рыбу и мясо саамы складывали в наземные легкие постройки простых конструкций (помосты, шалаши, вешала и т. п.)⁸. Углубленные в землю хранилища (ямы, ледники, погреба) использовались в весенний период около мест промысла для складирования свежей добычи со льдом⁹. Земляные ямы с деревянной обшивкой горбылем или кругляком, грунтово-деревянным перекрытием и боковым входом врезались в склон берега. Считается, что это поздняя практика, привнесенная в регион поморами.

Для успешного функционирования «холодильного объекта», увеличения его хладоустойчивости требуется максимальная герметизация и термоизоляция, достигающиеся максимальным углублением сооружения в почву [30: 87–90], что в валунных ямах отсутствует. Также нужно учитывать, что лед занимал в леднике от трети до половины общего объема [36: 136], а внутренние габариты большинства каменных ям чаще всего невелики.

Список нужных в «таежном хозяйстве» органических материалов, которые накапливались и сберегались, можно расширить. Гипотетически это могли быть шкуры, отходы разделки добычи — некий запас «на черный день» или для подкормки собак и оленей (кости, головы и дистальные части

конечностей крупных животных, головы рыб), а также рога и отдельные кости — сырье для косторезных работ. Для складирования перечисленного в объемах, необходимых в зимний период для потребностей немногочисленной саамской семьи, достаточно 1–2 околожилищных ям-хранилищ, входящих в систему поселенческого комплекса вместе с «мясными ямами» и ямами-«кладовками».

Долгосрочное хранение животных материалов требовало соблюдения нескольких основных условий: защита от грызунов, лесных хищников и сырости. Поэтому в качестве традиционного места складирования у народов северной тайги строились «амбарушки», установленные на специальные высокие столбы-опоры. Наши валунные сооружения, даже при предположении о существовании дополнительных защитных конструкций из бересты и дерева (прокладки, навесы, стены), эти задачи выполнить не могли.

Приготовление еды. Рассмотрим еще одно часто высказываемое предположение — валунные ямы использовались для приготовления определенных продуктов. Существует общее представление, что народы Севера, ориентированные на морской промысел или добычу нерестовой рыбы, повсеместно производили ее «квашение» в специальных ямах. Такая практика в разных вариациях существовала, но детальных описаний способов приготовления «квашенной рыбы» немного. По этнографическим данным можно наметить 2 основных вида ферментирования исходного продукта:

1) безвоздушная консервация: заворачивание в шкуру, закладка в желудок животного, погружение в болото или в воду, укладывание под гнет в «тузлук» и т. п.;

2) «прокисание» в земляных ямах. В этом случае ферментирование — это не самоцель, а естественный неизбежный результат бессолевого хранения добычи при низких плюсовых температурах. Продукт укладывался на травяные подстилки в искусственные ямы, закрываемые сверху дерном или камнями. Величина котлована зависела от поставленной задачи. Если предполагалось простое хранение добычи в местах промыслов или около жилищ, то объем емкости в земле был значительным. При специальном приготовлении небольшого количества «деликатесов» из отдельных частей рыбных тушек (голова, брюшки, жабры, икра, молоки, внутренности), часто с использованием соли, выкопанные углубления делались небольшими или использовались закопанные керамические или деревянные сосуды.

Процесс ферментации мог быть разной продолжительности — от 3–4 дней до 2–3 месяцев и проводился, как правило, осенью. При «открытом» способе характерный запах привлекает разнообразных хищников, в первую очередь медведей, поэтому ямы для «заквашивания» на территориях, где отсутствует вечная мерзлота, выкапывались недалеко от жилищ, часто внутри огороженной поселенческой зоны (Камчатка).

В кулинарии аборигенов Лапландии существовала сходная практика приготовления небольшого количества ферментированных продуктов через простейшее консервирование¹⁰. В. Таннер описывает некоторые способы приготовления «деликатесов» пазрецкими саамами в начале XX в., в том числе и в «каменных горшках» — пуорн, под которыми подразумеваются уже упоминавшиеся небольшие ямки в каменистом грунте, никак не похожие на валунные ямы на реке Хлебной.¹¹

Таким образом, валунные ямы не обладают характеристиками, необходимыми для приготовления «квашенного продукта» или для качественного длительного хранения добычи рыболовных или охотничьих промыслов.

Погребальный ритуал. Старожильческим населением Терского берега Белого моря валунные ямы определяются как «лопарские могилы», поэтому нельзя исключать версию об их погребальном назначении¹².

Даже в одной этнической группе аборигенов-нехристиан, живущих в зоне тундры и северной тайги в Средневековье, способы погребений были многообразными. Они не ограничивались только различного вида ингумациями и зависели от разных факторов: пол и возраст умерших, их социальное состояние, характер и место смерти, степень влияния соседних культурных традиций [40: 60–61]. Особо отметим, что существовали погребения, которые не оставляют следов, фиксируемых археологическими методами (поверхностные, на или в деревьях, на помостах и т. п.). Самым древним способом считается поверхностное, безгробовое захоронение, «стихийно» созданное, с прикрытием тела только хворостом или нартами, лодкой [41: 334–442].

Комплекс погребальных действий у малочисленного, территориально разобщенного населения Заполярья при отсутствии в социуме специальных представителей, «ответственных» за соблюдение правильности ритуала перехода в «мир мертвых», был не устойчив. С течением времени он не оставался неизменным, представляя собой «подвижную систему» [41: 436]. При усилении влияния более «статусных» или внешне более «привлекательных» практик соседних этносов он существенно менялся при сохранении идейного содержания воззрений о смерти и мироздании.

Если валунные ямы относятся к культуре лопи, то нужно учитывать, что на Кольском Севере достоверные «лапландские могильники» дохристианского периода пока не известны. По историческим и этнографическим данным, виды погребений у разрозненных групп саамов в Северной Европе не были единообразными и существенно отличались: под каменными кучами, в расщелинах, грунтовые и т. п.¹³. Можно согласиться с мнением, что на современном уровне источниковедческой базы сложно выделять средневековые саамские погребения на основе археологических аналогий [23: 209].

Частичное или полное сооружение и оформление могильных конструкций с использованием камней (плиты, валуны, булыжник) — повсеместная, разновременная традиция. Камень — это удобный и долговечный материал, которому в погребальном ритуале отводилась различная смысловая функция, чаще всего, «запирание» покойника.

В могильниках на территории Западной Сибири единично встречаются захоронения в незасыпанных грунтовых ямах [43]. В Восточной Финноскандии нам известны только 2 раскопанных средневековых памятника, которые можно интерпретировать как погребения открытого типа. Ближайший (97 км к юго-востоку от реки Хлебная) находится на Терском берегу Белого моря, около села Кузомень. На приустьевом участке реки Варзуга в 1969, 1979, 1982 гг. были открыты 2 группы грунтовых погребений «средневековых лопарей» — Кузомень I, II [44]. На сохранившемся могильнике Кузомень II раскопаны 3 открытых захоронения с телами, положенными в неясного характера прямоугольные деревянные конструкции и накрытые листами бересты. Погребенные лежали вытянуто, на спине, ориентировка — головой на северо-восток, ногами — по направлению течения реки. Они рассматривались как практически одновременные и датировались по вещам концом XII – началом XIII вв., что подтвердило радиоуглеродное датирование образцов органики, взятых из 2 погребений — 740 ± 10 и 750 ± 10 лет назад (приблизительно 1200–1210 гг. н. э.). По инвентарю захороненные отнесены к «финно-угорскому этническому массиву» [23: 201–211].

Еще одно сходное погребение (Тунгуда XXV) раскопано в 1990 г. на озере Тунгудском в Беломорском районе Республики Карелия. Первоначально предполагалось, что отдельно находящаяся впадина относится к рядом расположенной, протяженной системе ловчих ям. Ее раскопки позволили проследить оригинальное сооружение. В круглой яме (диаметр — 3,4 м, глубина — 1,6 м) крутые стенки и плоское дно были укрыты лапником и листьями бересты. В углублении на дне располагался прямоугольный деревянный ящик без «крышки» (1,85 x 0,8 x 0,5 м), в котором находилось завернутое в бересту «содержимое» (в современном состоянии — песок насыщенного сиреневого цвета). Поверх ящика был сделан куполообразный «свод» из бересты, а над ямой установлена конусовидная конструкция из 4 жердей [45]. Вполне вероятно, что и открытые «каменные могилы» на реке Хлебной могли дополняться какими-то простыми конструкциями или элементами из дерева, коры, бересты, шкур (срубы, рамы-обкладки, навесы-перекрытия, столбы, стены, настил и т. п.) сверху или по периметру, во внутренней камере, скрепленными или наваленными.

Нельзя исключить, что валунные ямы могли предназначаться для сакрального помещения останков (целых или фрагментированных) человека или животного (олень, собака, медведь и т. д.). Ритуальное сжигание тел, по этнографическим данным, существовало в приполярных районах [8: 64], поэтому можно предположить и возможность помещения в валунные ямы сожженных на стороне останков, археологически трудноуловимых, если кремация проводилась без сопровождающих предметов из неорганических материалов.

Сакральное назначение. Комплекс на реке Хлебной может рассматриваться и как памятник культового назначения. Неслучайным представляется нахождение в его границах других знаковых для Беломорья сооружений из валунов: «сейда», каменной кучи и плоского валуна с уложенными на него камнями. На «святилищах» Белого моря — Кузовском, Соловецком архипелагах и островах Жужмуй — в сходных условиях на выходах валунника все эти 4 вида конструкций из камней (иногда рядом с лабиринтами) встречаются совместно и по отдельности [3: 111–116]. Еще Н. Н. Виноградов отмечал, что при аналитической работе нельзя разделять разнохарактерные каменные выкладки, рассматривая их вне «сопутствующего» общего контекста [46: 15, 24]. Поэтому кратко рассмотрим каждый вид этих сложений.

Невысокие насыпи «каменных курганов» округлой в плане формы неоднократно раскапывались в 1970–1990-е гг., но маловыразительные находки не давали возможности получить точную информацию об их назначении, культурной принадлежности и времени создания. Первоначально они определялись как погребальные сооружения неясного характера «исторических саамов»: кенотафы или места захоронений остатков кремаций, но сейчас высказываются более осторожные выводы [19: 207, 217]. Каменные курганообразные насыпи Беломорья нельзя априори рассматривать как единый культурный массив с общим функциональным назначением. Их погребальный характер не исключается, что подтверждает единственное известное средневековое «погребение корелянина» на острове Анзер: под грудой камней, в углублении, ориентированном запад – восток, находились костные останки мужчины, предположительно завернутое в бересту. Там же была обнаружена «подковообразная фибула карельского типа» из белого металла, датируемая XII–XIII вв. [19: 339–341].

На плоские валуны с уложенными на них камнями на архипелаге Кузова первым в 1968 г. обратил внимание И. М. Мулло. Он рассматривал их как одну из «обособленных групп саамских каменных идолов — сейдов» [5, 10]. На островах Русский Кузов и Жилой на «валунных полях» им зафиксированы

рядом с валунами с камнями сверху и овальные ямы, которые исследователь считал «следами от древних жилищ». На острове Средний И. М. Мулло описывает ситуацию, сходную с комплексом Хлебная I. Здесь также вместе локализуются «каменные ямы», установленные на камни-ножки валуны, плоские валуны с положенными на них камнями и некое «курганное погребение» [10: 76].

Установленные на камни-«ножки» крупные валуны (так называемые «сейды») — это, наверно, самый «раскрученный» и дискуссионный вид мегалитических объектов в археологии Восточной Фенноскандии. Они одиночно и в группах встречаются в Карелии и на Кольском полуострове, обычно располагаясь в приметных местах ландшафта: на вершинах гор, на каменистых морских островах, на скальных обнажениях около водоемов, в местах проявлений древней сейсмической активности [47].

Большинству исследователей очевиден искусственный характер их создания и сакральное назначение, но в последнее время сформировалось и полярное мнение. В случае на Хлебном «сейд» — это природный объект, по нашему мнению, с сакральной функцией. Возможно, его наличие побудило к созданию валунных ям именно на этом участке каменистого склона.

Жертвенные места аборигенов Фенноскандии «встраивались» в природный ландшафт. Они обустроивались на определенных участках местности с набором нужных признаков, отвечающих определенной модели создания сакрального пространства, или приурочивались к неординарным природным объектам. Валунные ямы вполне могут быть специально оформленными семейными или личными «капищами» — особыми местами-«жертвенниками» для сакральных приношений или ритуального хранения / захоронения (голова медведей, копыта оленей и т. п.), скорее всего, разновременного и многоцветного характера. В этой связи показательна фиксация на дне ямы № 11 «ящика», сложенного из 3 небольших, вертикально установленных плоских камней прямоугольной формы (0,3 x 0,25 x 0,07 м) (рис. 9). Возможность использования валунных ям в качестве жертвенных мест не исключается исследователями саамских памятников Северной Норвегии и Финской Лапландии [17].

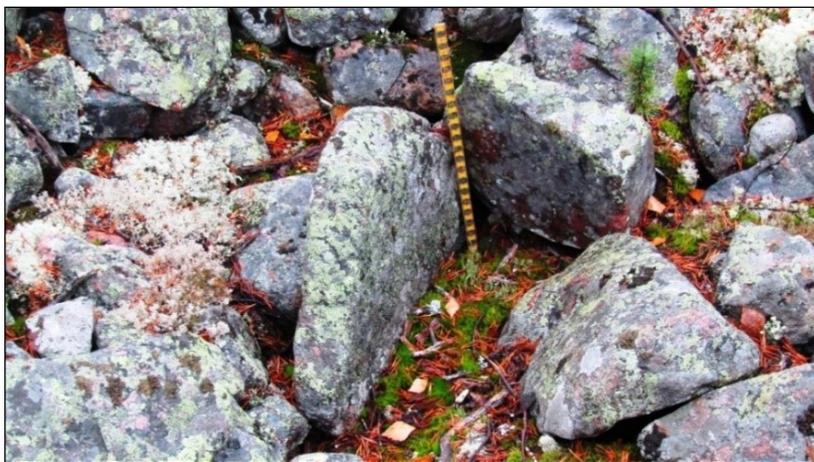

Рис. 9. Хлебный I. Валунная яма 11. «Ящик». Вид с севера

Косвенным аргументом в пользу гипотезы о культовом назначении объекта может быть и характерный для мест с сакральной нагрузкой на Севере топоним Starababa¹⁴, отмеченный на шведских картах первой трети XVII в.¹⁵ приблизительно в месте нахождения реки Хлебной.

Выводы и заключение

Локализация разнородных топографически взаимосвязанных сооружений из камней в одном месте позволяет говорить об их относительной одновременности, идейной тождественности, принадлежности к общей культурной традиции. Связь комплекса с обрядовой практикой представляется нам более вероятной, чем его бытового характер. Поэтому памятник Хлебный I можно предварительно определить как нехристианский комплекс с культовым статусом, предположительно, с погребальной функцией.

На начальном этапе исследований однозначно ответить на вопрос о точной культурной принадлежности валунных ям затруднительно. Возможно, это так называемые «саамские древности», работа с которыми в Русской Лапландии только начинается. Но полностью не исключается и версия, что данные сооружения оставлены в Средневековье какой-то другой этнической группой – «корелой», «поморянами», «двинянами», «норманнами». Постепенное накопление источниковой базы о валунных ямах и при более разностороннем их анализе они могут стать маркером этнодифференцирующего характера для малоизученных культур аборигенов Восточной Фенноскандии.

Статья не претендует на «окончательное решение вопроса». Это первая для территории РФ попытка свести воедино данные по этим неординарным объектам и оценить их «археологическим взглядом». Предложенная интерпретация — это рабочая гипотеза, которая должна наметить направление поисков и стимулировать развитие научной дискуссии. Необходимо дальнейшее детальное обследование разнородных валунных сложений региона, проведение целенаправленных полевых исследований по их выявлению и комплексному изучению. Уже известные выразительные валунные объекты Европейской Арктики должны более активно вводиться в научный оборот.

Примечания

¹ «Кроме каменных куч и двух несомненных чудских ям, круглых и воронкообразных (четыре сажени диаметром), у Поноя доисторических древностей берег не представляет» [8].

² Местоположение памятника указала Л. Г. Барташ. Фотографии этих валунных сложений впервые были опубликованы в книге митрополита Митрофана (Баданина) [14: 101–102].

³ Памятник в 2016 г. Л. Г. Барташ показывался Е. М. Колпакову (ИИМК).

⁴ Например, в 1970 и 1971 гг. писатель и археолог А. Л. Никитин осуществил поиск стоянок «первобытного Севера» по Терскому берегу. В обширной статье, посвященной реконструкции древних форм хозяйствования в южной части Кольского полуострова, валунные ямы он не упоминает [15: 103–111].

⁵ По подсчетам этнографов XIX в., «северный инородец» потреблял в год более 500 кг рыбы и две трети года она была основным продуктом питания [29: 86, 30: 336–337].

⁶ «Они ловят их (сельдь) неводами и захватывают целыми лодками; закупая гишпанскую соль у города Архангельска, солят они их в большом количестве; другую часть коптят, а малую часть из оных и всю весеннюю и летнюю сельдь вялят и сушат на солнце, чем во весь год по большей части и питаются» [31: 35, 32: 47–48].

⁷ «В старое, давно прошедшее время ... тушу молодого оленя бросали в озеро или реку, где она и мацерировалась до тех пор, пока не приобретала небольшой «душок» ... Запасы уже засоленной рыбы зарываются в бочках в землю, где хранятся до осени» [33: 48, 52]. «Дикого пластал, мясо положил в воду, закрыл землей, часть взял варить, пошел домой» [32: 34].

⁸ «Добычу свою лопари складывают в амбарушки, если дело в лесу, или в щели и ямы, заваливая их камнями, если дело в горах» [25: 107].

⁹ «Небольшой амбар на берегу реки ... где свалены глыбы льдин ... что бы летняя жара не могла проникать внутрь, он был построен совсем без окон» [35: 51–52].

¹⁰ «Назначенную для зимнего своего продовольствия часть рыбы лопарь закапывает в землю, в тундровые кочки, где она подвергается известной степени разложения и в таком виде особенно ценится лопарем» [37: 75].

¹¹ «Утверждается, что в древности это было так же, как и сейчас, а именно, что пищу предпочтительно ели свежей и «тщательно (!) сбереженной от порчи». Рыбу сушили или солили в каменных горшках, накрывали берестой и покрывали камнем, так называемые пуорн (puorn), чтобы лисы не могли получить к нему доступ, и держали там долгое время без обработки, пока это не понадобится зимой. Впрочем, пазрецкие саамы готовили и своеобразный деликатес; они клали рыбу под слой водорослей на берегу моря, и через несколько дней рыба «размягчилась, не прокиснув», и ее с удовольствием ели. Мясо — в основном диких оленей и лосей — хранили в источниках или озерах и оставляли там, в течение недели и более, когда мясо «закисало» [38: 131].

¹² Место погребения — специально оформленное место реального или символического захоронения человека или животного [39: 70].

¹³ «Умерших предают они погребению без гробов, и в некоторых местах кладут в одеяния, а в других совсем нагих. Оставшиеся при языческом своем суеверии Лопари погребают славнейших своих стрельцов, поблизости тех мест, где приносят богам свои жертвы. В прежние времена клали они покойников на землю, и обжав их камнями, наваливали еще и сверху по великой груде камня же, а теперь оборачивают обыкновенно на могиле сани, и кладут под них понемногу пищи и утвари, что делают тайно и принявшие Христианский закон Лопари» [42: 11]

¹⁴ *Akka* — по-фински и *Akk* — по-саамски.

¹⁵ «Orbis arctoi imprimisque amplissimi regni Sueciae tabula» 1626 г. и «Novus Atlas» 1635 г.

Список литературы

1. Державин В. Л. Северный Мурман в XVI–XVII вв. (к истории русско-европейских связей на Кольском полуострове). М.: Научный мир, 2006. 143 с.
2. Шахнович М. М. Средневековая археология Северного Прибеломорья (река Варзуга) // Новгород и Новгородская земля: история и археология. В. Новгород, 2010. Вып. 24. С. 63–80.
3. Шахнович М. М. К вопросу о валунных насыпях на островах в Белом море // Природное и историко-культурное наследие Северной Фенноскандии. Петрозаводск, 2003. С. 111–116.
4. Шахнович М. М. Валунные насыпи на территории Карелии // Кижский вестник. Петрозаводск, 2005. Вып. 10. С. 260–277.
5. Шахнович М. М. «Наземные каменные памятники» на островах Кузова в Белом море и И. М. Мулло. Хроника сложения «саамского» мифа // Первобытная и средневековая история и культура Европейского Севера: проблемы изучения и научной реконструкции. Соловки: Солти, 2006. С. 408–415.

6. Шахнович М. М., Кулькова М. А. Опыт археологического изучения валунных сложений Восточной Фенноскандии: «Ковдорские платформы» // Тверской археологический сборник. Тверь, 2015. Вып. 10. Т. II. С. 245–255.
7. Шахнович М. М., Кулькова М. А., Сони́на А. В. К вопросу о валунных насыпях в Северном Приладожье: опыт комплексного исследования // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху Средневековья. Тверь, 2019. Вып. 12. С. 496–509.
8. Кельсиев А. И. Поездка к лопарям. Письма и предварительные отчеты Комитету. М.: Тип-я М. Лаврова, 1878. 13 с.
9. Рева К. П. О раскопках в 1907 году // Отчеты Археологической комиссии за 1907 г. СПб., 1907. С. 107.
10. Мулло И. М. Памятники древней культуры на Кузовых островах // Археология и археография Беломорья. Котлас, 1984. С. 52–81.
11. Куратов А. А. Об археологическом изучении Беломорья и прилегающих к нему территорий // Археология и археография Беломорья. Котлас, 1984. С. 5–35.
12. Мартынов А. Я. Археологические памятники Соловецкого архипелага. Архангельск, 2002. 235 с.
13. Косменко М. Г. Древности приморской зоны южного и западного Беломорья. Проблемы происхождения и адаптации культуры древнего населения // Комплексные гуманитарные исследования в бассейне Белого моря. Петрозаводск: Острова, 2007. С. 6–42.
14. Митрофан (Баданин) епископ. Кольский Север в Средние века. СПб.: Ладан, 2017. 400 с.
15. Никитин А. Л. Население юго-востока Кольского полуострова в позднем неолите // Советская этнография. 1976. № 2. С. 103–111.
16. Вашков А. А., Носова О. Ю. Динамика последнего ледникового покрова на юго-западе Кольского полуострова // Труды КНИЦ РАН. 2019. 6 (10). С. 57–64.
17. Karjalainen T. Urroaivin kivikehät / Harlin E.-Kr. & Lehtola V.-P. Peurakuopista kirkkokenttiin — Saamelaisalueen 10000 vuotta arkeologin näkökulmasta: Arkeologiseminaari Inarissa 29.9.–2.10.2005. Publications of Giellagas Institute. 2007. No 9. P. 146–153.
18. Valtonen T. Saami food caches in the Báišduottar – Paistunturi area, northern Finnish Lapland // People, Material Culture and Environment in the North. Oulu. 2006. P. 64–74.
19. Мартынов А. Я. Первобытная археология островов южной части Белого моря. Архангельск: Солти, 2010. 364 с.
20. Зенгеров В. С., Терехов А. Э., Никитин Н. В. Новые данные по способам охоты поселенцев Восточного Мурмана на северных оленей (история, орудия и способы охоты) // Вестник Кольского научного центра РАН. 2014. № 3. С. 30–37.
21. Spangen M. Anomaly or myth? Sami circular offering sites in medieval Northern Norway // Religion, cults & rituals in the medieval rural environment. 2017. Ruralia XI, Leiden: Sidestone Press. P. 39–52.
22. Карпелан К. Ранняя этническая история саамов // Финно-угорский сборник. М., 1982. С. 32–48.
23. Овсянников О. В., Рябинин Е. А. Средневековые грунтовые могильники Терского берега // Советская археология. 1989. № 2. С. 201–211.
24. Алымов В. Оленеводство у русского населения Терского берега // Карело-Мурманский край. 1929. № 4–5. С. 31–34.
25. Немирович-Данченко В. И. Лопь белоглазая (Из поездки в полярный край). М.: Изд-во Д. П. Ефимов, 1902. 127 с.

26. Seitsonen O. Petsamo Maattivuono Rotojoki: two Late Stone Age dwellings excavated by Sakari Pälsi in 1929 // *People, material culture and environment in the North*. 2006. Pp. 226–237.
27. Косменко М. Г. Каталог археологических памятников приморской зоны южного и западного Беломорья // *Комплексные гуманитарные исследования в бассейне Белого моря*. Петрозаводск: Острова, 2007. С. 79–116.
28. Лобанова Н. В. К вопросу о каменных сооружениях Карельского Беломорья (по материалам археологических разведок 2000–2005 гг.) // *Первобытная и средневековая история и культура Европейского Севера: проблемы изучения и научной реконструкции*. Соловки: Солти, 2006. С. 416–425.
29. Лебедев В. В. Семья и производственный коллектив у населения притундровой полосы северо-запада Туруханского края в XIX веке // *Советская этнография*. 1980. № 2. С. 82–91.
30. Яковлев Я. А. На столе и вокруг него. Томск: ТомГУ, 2011. 376 с.
31. Челищев П. И. Путешествие по Северу России в 1791 году. СПб.: Тип-я В. С. Балашева, 1886. 339 с.
32. Волков Н. Н. Российские саамы. Историко-этнографические очерки. Л.: МАЭ. 1947. 106 с.
33. Иванов-Дятлов Ф. Г. Наблюдения врача на Кольском полуострове (11 января – 11 мая 1927 г.). Л.: Из-во ГРГО, 1928. 136 с.
34. Адаев В. Н. Традиционная культура хантов и ненцев. Тюмень: Вектор Бук, 2007. 239 с.
35. Колпаков С. П. Дневник путешествия на Терский берег / Колпакова Н. П. Терский берег. Вологда, 1937. 98 с.
36. Мельников В. П., Фёдоров Р. Ю. Роль криогенных природных ресурсов в традиционных системах жизнеобеспечения народов Сибири и Дальнего Востока // *Вестник Томского государственного университета*. 2018. № 426. С. 133–141.
37. Гебель Г. Ф. Наша Лапландия. СПб.: Комитет для помощи поморам Русского Севера. 1909. 315 с.
38. Tanner V. Antropogeografiska studier inom Petsamo-området // *FENNIA* 49. 1928. № 4. Helsingfors. S. 123–165.
39. Ольховский В. С. Погребально-поминальная обрядность в системе взаимосвязанных понятий // *Советская археология*. 1986. № 1. С. 55–76.
40. Грачёва Г. Н. Человек, смерть и земля мертвых у нганасан // *Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера (вторая половина XIX – начало XX вв.)*. Л.: Наука, 1976. С. 44–69.
41. Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Мир реальный и потусторонний. Томск: ТомГУ, 1994. Т. 2. 481 с.
42. Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. Ч. 1. О народах финского племени, известных по истории российской под общим именем Руссов. СПб.: И. Глазунов, 1799. С. 35–53.
43. Зайцева Е. А., Кениг А. В., Кемпицкая А. А. Предварительные результаты археологических исследований могильника Тохтымейпай-8 // *Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий*. 2020. Т. XXVI. С. 437–443.
44. Гурина Н. Н., Овсянников О. В., Рябинин Е. А. Средневековые древности Кольского полуострова // *Финны в Европе VI–XV вв.* М.: ИА АН СССР, 1990. Т. 2. С. 125–134.

45. Шахнович М. М. Погребальный комплекс поселения Тунгуда XXIV–XXV // Вестник Карельского краеведческого музея. Петрозаводск, 1993. Вып. 1. С. 60–68.
46. Виноградов Н. Н. Соловецкие лабиринты. Их происхождение и место в ряду однородных доисторических памятников // Материалы Соловецкого общества краеведения. Соловки, 1927. Вып. IV. 176 с.
47. Шахнович М. М. Культурный комплекс на горе Воттоваара (итоги работ в 1993 году) // Вестник Карельского краеведческого музея/ Петрозаводск, 1994. Вып. 2. С. 26–35.

References

1. Derzhavin, V. L. *Severnuyu Murman v XVI–XVII vv. (k istorii russko-yevropeyskikh svyazey na Kol'skom poluostrove)* [Northern Murman in the XVI–XVII centuries. (on the history of Russian-European relations on the Kola Peninsula)]. Moscow, Scientific World, 2006. 143 p. (In Russ.).
2. Shakhnovich, M. M. *Srednevekovaya arkheologiya Severnogo Pribelomor'ya (reka Varzuga)* [Medieval archeology of the Northern White Sea (Varzuga River)]. *Novgorod i Novgorodskaya zemlya: istoriya i arkheologiya* [Novgorod and Novgorod land: history and archeology]. V. Novgorod, 2010, issue. 24, pp. 63–80. (In Russ.).
3. Shakhnovich, M. M. *Voprosu o valunnykh nasypyakh na ostrovakh v Belom more* [On the question of boulder mounds on islands in the White Sea]. *Prirodnoye i istoriko-kul'turnoye naslediye Severnoy Fennoskandii* [Natural and historical and cultural heritage of Northern Fennoscandia]. Petrozavodsk, 2003, pp. 111–116. (In Russ.).
4. Shakhnovich M. M. *Valunnyye nasypi na territorii Karelii* [Boulder mounds on the territory of Karelia]. *Kizhskiy vestnik* [Kizhi Vestnik]. Petrozavodsk, 2005, issue 10, pp. 260–277. (In Russ.).
5. Shakhnovich M. M. “Nazemnyye kamennyye pamyatniki” na ostrovakh Kuzova v Belom more i I. M. Mullo. *Khronika slozheniya “saamskogo” mifa* [“Terrestrial stone monuments” on the islands of the Body in the White Sea and I. M. Mullo. Chronicle of the addition of the “Sami” myth]. *Pervobytnaya i srednevekovaya istoriya i kul'tura Yevropeyskogo Severa: problemy izucheniya i nauchnoy rekonstruktsii* [Primitive and medieval history and culture of the European North: problems of study and scientific reconstruction]. Solovki, Solti, 2006, pp. 408–415. (In Russ.).
6. Shakhnovich M. M., Kulkova M. A. *Opyt arkheologicheskogo izucheniya valunnykh slozheniy Vostochnoy Fennoskandii: “Kovdorskiye platformy”*. [The experience of archaeological study of boulder formations of Eastern Fennoscandia: “Kovdor platforms”]. *Tverskoy arkheologicheskoy sbornik* [Tver archaeological collection]. Tver, 2015, issue 10, vol. II, pp. 245–255. (In Russ.).
7. Shakhnovich M. M., Kulkova M. A., Sonina A. V. *K voprosu o valunnykh nasypyakh v Severnom Priladozh'ye: opyt kompleksnogo issledovaniya* [On the question of boulder mounds in the Northern Ladoga region: the experience of a comprehensive study]. *Tver', Tverskaya zemlya i sopredel'nyye territorii v epokhu Srednevekov'ya* [Tver, Tver land and adjacent territories in the Middle Ages]. Tver, 2019, issue. 12, pp. 496–509. (In Russ.).
8. Kelsiev A. I. *Poyezdka k loparyam. Pis'ma i predvaritel'nyye otchety Komitetu* [Trip to the Lapps. Letters and preliminary reports to the Committee]. Moscow, Type-ya M. Lavrov, 1878, 13 p. (In Russ.).
9. Reva K. P. *O raskopkakh v 1907 godu Otchoty Arkheologicheskoy komissii za 1907 g.* [On excavations in 1907]. [Reports of the Archaeological Commission for 1907]. St. Petersburg, 1907, p. 107. (In Russ.).
10. Mullo I. M. *Pamyatniki drevney kul'tury na Kuzovykh ostrovakh* [Monuments of ancient culture on the Kuzovy Islands]. *Arkheologiya i arkheografiya Belomor'ya* [Archeology and archeography of the White Sea]. Kotlas, 1984, pp. 52–81. (In Russ.).

11. Kuratov A. A. Ob arkhelogicheskoy izuchenii Belomor'ya i prilegayushchikh k nemu territoriy [On the archaeological study of the White Sea and adjacent territories]. *Arkheologiya i arkhografiya Belomor'ya* [Archeology and archeography of the White Sea]. Kotlas, 1984, pp. 5–35. (In Russ.).
12. Martynov A. Ya. Arkheologicheskiye pamyatniki Solovetskogo arkhipelaga [Archaeological monuments of the Solovetsky Archipelago]. Arkhangelsk, 2002, 235 p. (In Russ.).
13. Kosmenko M. G. Drevnosti primorskoy zony yuzhnogo i zapadnogo Belomor'ya [Antiquities of the coastal zone of the southern and western White Sea. Problems of origin and adaptation of the culture of the ancient population]. *Problemy proiskhozhdeniya i adaptatsii kul'tury drevnego naseleniya Kompleksnyye gumanitarnyye issledovaniya v bassejne Belogo moray* [Complex humanitarian studies in the White Sea basin]. Petrozavodsk, Islands, 2007, pp. 6–42. (In Russ.).
14. Mitrofan (Badanin) bishop. *Kol'skiy Sever v Sredniye veka* [The Kola North in the Middle Ages]. St. Petersburg, Ladan, 2017, 400 p. (In Russ.).
15. Nikitin A. L. Naseleniye yugo-vostoka Kol'skogo poluostrova v pozdnem neolite [The population of the South-East of the Kola Peninsula in the late Neolithic]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet ethnography], 1976 no. 2, pp. 103–111. (In Russ.).
16. Vashkov A. A., Nosova O. Yu. Dinamika poslednego lednikovogo pokrova na yugo-zapade Kol'skogo poluostrova [Dynamics of the last glacial cover in the southwest of the Kola Peninsula]. *Trudy KNC RAN* [Proceedings of the Kola Scientific Research Center of the Russian Academy of Sciences], 2019, 6 (10), pp. 57–64. (In Russ.).
17. Karjalainen T. Urroaivin kivikehät, Harlin E.-Kr. & Lehtola V.-P. Peurakuopista kirkkokentiin — Saamelaisalueen 10000 vuotta arkeologin näkökulmasta: Arkeologiseminaari Inarissa 29.9.–2.10.2005. Publications of Giellagas Institute, 2007, no. 9, pp. 146–153.
18. Valtonen T. Saami food caches in the Báíšduottar–Paistunturi area, northern Finnish Lapland. *People, Material Culture and Environment in the North*. Oulu, 2006, pp. 64–74.
19. Martynov A. Ya. *Pervobytnaya arkhelogiya ostrovov yuzhnoy chasti Belogo moray* [Primitive archeology of the islands of the Southern part of the White Sea]. Arkhangelsk, Solti, 2010, 364 p. (In Russ.).
20. Zengerov V. S., Terekhov A. E., Nikitin N. V. Novyye dannyye po sposobam okhoty poselentsev Vostochnogo Murmana na severnykh oleney (istoriya, orudiya i sposoby okhoty) [New data on the methods of hunting reindeer by settlers of Eastern Murmansk (history, tools and methods of hunting)]. *Vestnik Kol'skogo nauchnogo tsentra RAN* [Bulletin of the Kola Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], 2014, no. 3, pp. 30–37. (In Russ.).
21. Spangen M. Anomaly or myth? Sami circular offering sites in medieval Northern Norway. *Religion, cults & rituals in the medieval rural environment*, 2017, Ruralia XI, Leiden, Sidestone Press, pp. 39–52.
22. Karpelan K. Rannyya etnicheskaya istoriya saamov [Early ethnic history of the Sami]. *Finno-ugorskiy sbornik* [Finno-Ugric collection]. Moscow, 1982, pp. 32–48. (In Russ.).
23. Ovsyannikov O. V., Ryabinin A. E. Srednevekovyye gruntovyye mogil'niki Terskogo berega [Medieval burial ground of the Tersky coast]. *Sovetskaya arkhelogiya* [Soviet Archaeology], 1989, no. 2, pp. 201–211. (In Russ.).
24. Alymov V. Olenevodstvo u russkogo naseleniya Terskogo berega [Reindeer breeding among the Russian population of the Tersk coast]. *Karelo-Murmanskiy kray* [Karelo-Murmansk Krai], 1929, no. 4–5, pp. 31–34. (In Russ.).
25. Nemirovich-Danchenko V. I. Lop' beloglazaya (Iz poyezdki v polyarnyy kray) [White-eyed Lope (from a trip to the Polar region)]. Moscow, D.P. Efimov Publishing house, 1902, 127 p. (In Russ.).

26. Seitsonen O. Petsamo Maattivuono Rotojoki: two Late Stone Age dwellings excavated by Sakari Pälsi in 1929. People, material culture and environment in the North, 2006, pp. 226–237.
27. Kosmenko M. G. Katalog arkhelogicheskikh pamyatnikov primorskoy zony yuzhnogo i zapadnogo Belomor'ya [Catalog of archaeological monuments of the Primorsky zone of the Southern and Western White Sea]. *Kompleksnyye gumanitarnyye issledovaniya v bassejne Belogo morya* [Complex humanitarian studies in the White Sea basin]. Petrozavodsk, Islands, 2007, pp. 79–116. (In Russ.).
28. Lobanova N. V. K voprosu o kamennykh sooruzheniyakh Karel'skogo Belomor'ya (po materialam arkhelogicheskikh razvedok 2000–2005 gg.) [On the question of stone structures of the Karelian White Sea (based on the materials of archaeological surveys 2000–2005)]. *Pervobytnaya i srednevekovaya istoriya i kul'tura Yevropeyskogo Severa: problemy izucheniya i nauchnoy rekonstruktsii* [Primitive and medieval history and culture of the European North: problems of study and scientific reconstruction]. Solovki, Solti, 2006, pp. 416–425. (In Russ.).
29. Lebedev V. V. Sem'ya i proizvodstvennyy kollektiv u naseleniya pritundrovoy polosy severo-zapada Turukhanskogo kraya v XIX veke [Family and production team among the population of the tundra strip of the North-West of the Turukhansk region in the XIX century]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet ethnography], 1980, no. 2, pp. 82–91. (In Russ.).
30. Yakovlev Ya. A. *Na stole i vokrug nego* [On the table and around it]. Tomsk, Tomsk State University, 2011, 376 p. (In Russ.).
31. Chelishchev P. I. Puteshestviye po Severu Rossii v 1791 godu [Journey through the North of Russia in 1791], St. Petersburg, V. S. Balasheva printing house, 1886, 339 p. (In Russ.).
32. Volkov N. N. *Rossiyskiye saamy. Istoriko-etnograficheskiye ocherki* [Russian Sami. Historical and ethnographic essays], Leningrad, MAE, 1947, 106 p. (In Russ.).
33. Ivanov-Dyatlov F. G. *Nablyudeniya vracha na Kol'skom poluostrove* (11 yanvarya – 11 maya 1927 g.) [Observations of a doctor on the Kola Peninsula (January 11 – May 11. 1927)]. Leningrad, From GRGO, 1928, 136 p. (In Russ.).
34. Adaev V. N. *Traditsionnaya kul'tura khantov i nentsev* [Traditional culture of Khanty and Nenets]. Tyumen, Vector Book, 2007, 239 p. (In Russ.).
35. Kolpakov S. P. / Kolpakova N. P. *Dnevnik puteshestviya na Terskiy bereg* [Diary of a trip to the Tersk coast]. Vologda, 1937, 98 p. (In Russ.).
36. Melnikov V. P., Fedorov R. Yu. Rol' kriogennykh prirodnykh resursov v traditsionnykh sistemakh zhizneobespechivaniya narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka [The role of cryogenic natural resources in traditional life support systems of the peoples of Siberia and the Far East]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University], 2018, no. 426, pp. 133–141. (In Russ.).
37. Gebel G. F. *Nasha Laplandiya* [Our Lapland]. St. Petersburg, Committee for the help of the Pomors of the Russian North, 1909, 315 p. (In Russ.).
38. Tanner V. Antropogeografiska studier inom Petsamo-området. FENNIA 49, 1928, no. 4, Helsingfors, s. 123–165.
39. Olkhovsky V. S. Pogrebal'no-pominal'naya obryadnost' v sisteme vzaimosvyazannykh ponyatiy [Funeral rites in the system of related concepts]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology], 1986, no. 1, pp. 55–76. (In Russ.).
40. Grachev G. N. Chelovek, smert' i zemlya mortvykh u nganasan Priroda i chelovek v religioznykh predstavleniyakh narodov Sibiri i Severa (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) [Man, death, and the land of the dead, the Nganasans]. *Priroda i chelovek v religioznykh predstavleniyakh narodov Sibiri i Severa (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.)* [Nature and man in the religious beliefs of the peoples of Siberia and the North (the second half of XIX – the beginning of XX century)]. Leningrad, Nauka, 1976, pp. 44–69. (In Russ.).

41. *Ocherki kul'turogeneza narodov Zapadnoy Sibiri. Mir real'nyy i potustoronniy* [Essays on cultural Genesis of the peoples of Western Siberia. The real and otherworldly world]. Tomsk, Tomsk State University, 1994, vol. 2, 481 p. (In Russ.).
42. Georgi I. G. *Opisaniye vsekh obitayushchikh v Rossiyskom gosudarstve narodov: ikh zhiteyskikh obryadov, obyknoveniy, odezhd, zhilishch, uprazhneniy, zabav, veroispovedaniy i drugikh dostopamyatnostey. Ch. 1. O narodakh finskogo plemeni, izvestnykh po istorii rossiyskoy pod obshchim imenem Russov* [Description of all the peoples living in the Russian state: their everyday rituals, customs, clothes, dwellings, exercises, amusements, faiths and other memorabilia. P. 1. About the peoples of the Finnish tribe, known in Russian history under the common name of Russ]. St. Petersburg, I. Glazunov, 1799, pp. 35–53. (In Russ.).
43. Zaitseva E. A., Koenig A.V., Kempitskaya A. A. Predvaritel'nyye rezul'taty arkhеologicheskikh issledovaniy mogil'nika Tokhtymeypay-8 [Preliminary results of archaeological research of the burial ground Tokhtymeipai-8]. *Problemy arkhеologii, etnografii i antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Problems of archeology, ethnography and anthropology of Siberia and adjacent territories], 2020, vol. XXVI, pp. 437–443. (In Russ.).
44. Gurina N. N., Ovsyannikov O. V., Ryabinin A. E. Srednevekovyye drevnosti Kol'skogo poluostrova [The Medieval antiquity of the Kola Peninsula]. *Finny v Yevrope VI–XV vv.* [Finns in Europe VI–XV centuries]. Moscow, IA of the USSR, 1990, vol. 2, pp. 125–134. (In Russ.).
45. Shakhnovich M. M. Pogrebal'nyy kompleks poseleniya Tunguda XXIV–XXV [Funeral complex of Tunguda settlement XXIV–XXV]. *Vestnik Karel'skogo krayevedcheskogo muzeya*. [Bulletin of the Karelian Museum of Local Lore]. Petrozavodsk. 1993, issue 1, pp. 60–68. (In Russ.).
46. Vinogradov N. N. Solovetskiye labirinty. Ikh proiskhozhdeniye i mesto v ryadu odnorodnykh doistoricheskikh pamyatnikov [Solovetsky labyrinths. Their origin and place among homogeneous prehistoric monuments]. *Materialy Solovetskogo obshchestva krayevedeniya* [Materials of Solovetsky Society of Local Lore]. Solovki, 1927, issue IV, 176 p. (In Russ.).
47. Shakhnovich M. M. Kul'tovyy kompleks na gore Vottovaara (itogi rabot v 1993 godu) [Cult complex on Mount Vottovaara (results of work in 1993)]. *Vestnik Karel'skogo krayevedcheskogo muzeya* [Bulletin of the Karelian Museum of Local Lore]. Petrozavodsk, 1994, issue 2, pp. 26–35. (In Russ.).

Сведения об авторе

М. М. Шахнович — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник ЦГП КНЦ РАН.

Information about the author

M. M. Shakhnovitch — PhD (History), Leading Research Fellow of the Barents Centre of the Humanities of the Kola Science Centre of RAS.

Статья поступила в редакцию 20.09.2021; одобрена после рецензирования 07.10.2021; принята к публикации 08.10.2021.

The article was submitted 20.09.2021; approved after reviewing 07.10.2021; accepted for publication 08.10.2021.